

Категория «национальные интересы» в российском политическом сознании

Александр Задохин

По мере развития общества и его коллективного сознания неизбежно встает вопрос о принципах его ориентации в мировом пространстве, т.е. о методологии формирования стратегических целей национального развития. Традиция, национальный миф хотя и отражают определенную реальность, но не способны ориентировать общество в ускоряющемся цивилизационном развитии. Каждый цивилизационный виток требует адекватных ответов на свои вызовы. Таким образом, потребность в самосохранении, безопасности стимулирует совершенствование национальной рефлексии, т.е. появление категории «национальный интерес».

Национальный интерес как категория, отражающая определенный уровень рациональности общественного самосознания, конечно, возникает не сразу, а как результат консолидации социально-политического образования, проживающего длительное историческое время на определенной территории, развития его самосознания и повышения политической культуры¹. Причем осознание себя как некоей самостоятельной целостности, обладающей рядом совпадающих, общих и т.п. потребностей/интересов, происходит с определенным опозданием по сравнению с процессом политического объединения. Такова закономерность развития социального сознания, которому требуется некоторое время, чтобы понять себя в новом качестве, отказаться от каких-то старых стереотипов и согласиться с современной реальностью.

ЗАДОХИН Александр Григорьевич – доктор политических наук, профессор (Дипломатическая академия МИД России). *E-mail:* aleksander_1945@mail.ru

Ключевые слова: слова: национальные интересы, национальное сознание, внешняя политика.

Категория «национальный интерес»

На ранних этапах социального развития, когда личностное начало человека было не столь выражено, когда индивид был растворен в группе, одним из важнейших ориентиров его самоидентификации являлась монархия. Монарх был не только институтом власти и защиты, но и фактором национальной самоидентификации (например, «мы – подданные Великого князя Московского»). В результате сформировался устойчивый стереотип отождествлять общество и институт государства. Не говоря уже о том, что взаимоподдерживаемые институты монархии и бюрократии (исполнителя монаршей воли) практически доминировали при формулировании и реализации национальных интересов. Причем в ряде случаев (особенно на переломах истории) их понимание и действия явно вступали в противоречие с интересами общества или населения. В частности, руководствуясь принципом династического родства и борьбы за династическое наследство, монархия вполне могла проигнорировать один из базовых принципов устойчивой государственности – геосоциальную целостность, т.е. исторически сложившуюся на определенной территории социальную общность (народ) и ее интересы.

Именно по этой причине во Франции началось народное движение во главе с легендарной Жанной д'Арк против английской династии во Франции и восстание в Нидерландах против испанской династии.

В этой связи стоит отметить, что одной из причин европейских буржуазных революций явился кризис ди-

настической государственности, когда этот тип власти не смог реализовать в своей внутренней и внешней политике интересы различных социальных групп, проживающих на одной территории (местом исторического проживания). Переход к новой государственности, основанной на принципах территориального самоуправления и народовластия (суверенитет народа/нации, гражданское общество), законодательным сужением функций института государства (правового государства) в европейских странах осуществлялся трудно и занял не одно столетие. Сегодня мы видим лишь определенные итоги достаточно сложного и противоречивого процесса, когда возникли такие понятия, как «нация» и «национальный интерес».

Слова «нация» (*civil* – свободное население Рима) и «национальный интерес» стали употребляться в контексте, близком современному при формировании государств на территориально-культурологической (язык – этнокультура – религия) основе в ведущейся на латыни дипломатической переписке начиная с XVII в. Тогда в системе внутренних и международных противоречий самого различного порядка (политических, экономических, культурных) активизировался процесс формирования самосознания европейских народов, выраженный, в частности, в их стремлении выделиться из состава имперских образований и католической (вселенской!) церкви, зафиксировать коллективную культурную особость и самодостаточность их интересов как определенных истори-

ческих общностей по отношению к наднациональной династической государственности. На это в значительной степени повлияла динамика европейских международных отношений, когда борьба за династическое престолонаследие и сбор дани (с населения) часто породненных между собой европейских монархов все более вступала в противоречие с интересами населения (исторических общностей). В этот период в политическом сознании появляется нечто, что можно обозначить через категорию «национальный интерес», т.е. как результат осознания населением своей целостности и первичности по отношению к государственным властным структурам.

Тот факт, что исторически категория «национальный интерес» в большинстве случаев рассматривается прежде всего в связи с вопросами внешней политики государства и международных отношений², вполне соответствует и архетипу «мы – они» и его роли в осознании солидарных интересов выживания какой-то общности в сопоставлении с другой. В то же время существует мнение, что этого недостаточно для описания и анализа национальных интересов³. Внешняя политика и дипломатия государства воспринимаются обывателем как некое священнодействие и тайна, доступная только избранным. Архаическую дихотомию можно поддерживать через формирование образа врага в виде того или иного государства или актуализировать напоминанием о прошлом. Но поражения не всегда связаны с враждебными действиями других государств. Поражения в войнах или их затяжной характер могут являться систем-

ными пороками данного государства. Это побуждает общество задуматься о том, насколько внешняя политика и дипломатия действительно соответствуют его интересам, а нация готова ответить на вызовы и угрозы внешней среды и в целом глобальным изменениям.

Например, понимание отмеченного произошло в России после ее поражения в Крымской войне в XIX в. и Русско-японской войне в начале XX в. Незавершенная модернизация России привела к двум катастрофам. Но если в первом случае против России выступили практически все европейские государства, то во втором впервые в истории азиатское государство нанесло поражение европейскому. Причем основной причиной этого явилась не российская армия, а национальная система.

Поэтому категория «национальный интерес» необходима скорее не для констатации жизненно важных потребностей, а для соотношения декларируемых целей и деятельности государства с потребностями. А поскольку национальные интересы – это интересы большой группы (т.е. общества или нации), то это подразумевает наличие в их структуре также интересов малых групп и индивидов. Соответственно, национальные интересы как категория-ориентир – это процесс соотношения общего и частного. Причем баланс общего и частного, в свою очередь, подвижен в ту и другую сторону в историческом развитии, в том числе в зависимости от конкретного состояния общества. Иначе говоря, национальные интересы как категория отражает сложный социально-психологический процесс осознания и политический процесс согласования потребностей. Чем более структурно развито общество, тем боль-

шую значимость приобретают интересы его составляющих субъектов – личности и разнообразных групп. Соответственно, усложняются механизмы согласования интересов.

Таким образом, когда заходит речь о том, чтобы дать точное описание категории «национальный интерес», и особенно – конкретное содержание национальных интересов соответствующего государства, возникает такое количество разнообразных точек зрения, что примирить их часто очень затруднительно. Есть даже мнение, что это вообще невозможно⁴.

Национальные интересы формируются и осознаются в социальных и политических структурах общества, которые естественным образом не совпадают между собой полностью. В силу этого имеется сложная взаимосвязь групповых и индивидуальных интересов самого различного порядка и направленности. Соотношения этих интересов, их конкуренция и кооперация создают некую константу. Это предстает как определенный баланс интересов, внутри общества и определенная договоренность, или правила игры, позволяющая поддерживать разнообразие интересов, возможность их реализации внутри и вне общества, не нарушая одновременно его целостность по отношению к внешней среде и выделенность его из этой среды.

Проблема национальных интересов рассматривается также во взаимосвязи с условиями, которые формируют нацию (или нацию-государство) и ее потребности. В частности, существует точка зрения, которая связывает формирование национальных интересов со стадией фор-

мирования гражданского общества и правового государства⁵. Причем в отдельных случаях такая связь утверждается категорично: «Понятнейшие рамки национального интереса определены самой природой нации. Как бы ни менялись условия, сколько бы времени ни прошло, ничем иным, кроме основания целенаправленных действий или политики нации как единства нации-государства и гражданского общества, национальный интерес оказаться не сможет»¹.

При таком подходе выходит, что в отсутствие единства государства и общества (обязательно гражданского?) национальные интересы существовать не могут. Соответственно, предполагается, что национальными интересами не обладали протогосударственные образования и империи¹. Следовательно, у России в ее имперском прошлом не было, а в настоящее время у большинства государств, полноправных субъектов международных отношений и членов ООН, нет национальных интересов, ибо в этих государствах, по крайней мере, можно оспаривать факт существования гражданского общества. С другой стороны, поскольку для такого подхода совершенно очевидно необходимо наличие гражданского общества лишь в западных государствах, то выходит, что только они имеют национальные интересы. С этим трудно согласиться.

Национальные или государственные интересы есть у всех государств. Вопрос в том, кем они представлены и опосредованы во внутренней и внешней политике.

Можно утверждать, что как бы институт государства ни монополи-

зировав право представлять потребности нации, общества или просто своего населения, но национальные интересы – как в той или иной степени осознанные потребности – существуют на каждом этапе развития любого устойчивого социального образования, организованного в государство.

Например, потребность к самосохранению (безопасности, выживанию) и культурной выделенности по отношению к внешней среде существует на всех стадиях развития любого сложившегося общества/государства.

Можно говорить только о разной степени присутствия рационального и иррационального при осознании потребностей и их реализации, а также о различных механизмах выражения и представления интересов общности во внутренней и внешней политике страны. Таким образом, осознание и консолидация национальных интересов являются составной частью процесса национального самосознания и самопознания.

Важно еще раз отметить, что осознание и консолидация национальных интересов происходят в сопряжении с интересами других наций и во взаимосвязи с развитием национального сознания. Но национальные интересы неизбежно должны быть в какой-то мере согласованы с интересами других наций и интересами мирового сообщества или вписаны в региональную и мировую систему множества национальных интересов. Эту функцию, как известно, осуществляет внешняя политика и дипломатия государства.

Итак, категория «национальные интересы» является сложным понятием. Ее можно считать интересами определенной социально-политичес-

кой общности (государственного уровня самоорганизации), отражающими сложившийся в некое историческое время баланс интересов личности, её группы и её общности в целом на территории проживания и в соотношении с интересами других социально-политических образований. Категория «национальные интересы» отражает также определенный уровень общественного сознания.

Можно сказать и так: национальные интересы – это процесс осознания потребностей через находящуюся в динамике систему различных парных категорий: *частное – общее, духовное – материальное, рациональное – иррациональное, центр – периферия, Мы – Они и т.д.* С усложнением этой системы, т.е. с возрастанием объемности общественного сознания, «агрессивное, прямолинейно эгоистичное по своей направленности» сознание «через последовательную цепь внутренних преобразований диалектически обрачивается навыком и готовностью учитывать при разработке» решений (в том числе внешнеполитических. – *Авт.*) «интересы других субъектов»⁶ с той степенью умения воспринимать разнообразие, которая существует у данной общности.

Для максимального приближения к объективному (осознанно-рефлексивному) пониманию национальных интересов необходимо достаточно четкое самосознание и высокий уровень консолидации общества и его элиты, а также определенный уровень политической культуры. Если этого нет, то в понятие «национальные интересы» можно вложить практически все, а главное – придать этому понятию нечто сакральное, даю-

щее право под лозунгом защиты или реализации национальных интересов проводить любую политику и любыми методами.

Несмотря на неоднозначность подхода к национальным интересам и сложность их конкретного содержания, присутствие их в политическом процессе и при принятии политического решения как категории целесообразно. Это дает возможность даже при их различном толковании придать процессу формирования политики более рациональный характер⁷. В этой связи национальные интересы могут рассматриваться в их функциональном плане. Выделяют следующие их функции:

- политическую как основу для принятия внешнеполитического решения государственного уровня;
- коммуникативную как концентрированное выражение целей и задач государственной политики на международной арене;
- идеологическую как средство поддержки тех или иных внешнеполитических действий⁸.

Можно предложить и такое описание рассматриваемой категории «национальные интересы». Национальные интересы есть осознанные и консолидированные потребности социально-политической общности государственной формы самоорганизации. Постоянная составляющая национальных интересов – это консолидированные потребности общности, сформировавшиеся в процессе ее исторического развития. Переменная составляющая – это консолидированные потребности, которые возникают в связи с тенденциями глобального развития. Таким образом, национальные интересы выра-

жают сложившийся исторический баланс жизненных потребностей личности, малых социальных групп и в целом определенной общности (большой социальной группы) на территории их проживания, причем в соотношении с интересами других социально-политических образований (государств ближнего и дальнего зарубежья). Категория «национальные интересы» также отражает определенный уровень общественного сознания, а их внутреннее содержание и иерархию – соответствующий этап развития общества и характер его взаимоотношений с внешней средой.

Исторически понятие «государственный интерес», тождественное понятию «национальный интерес», выкристаллизовывается в политическом сознании России в XVII в. В то время в результате бесконечной и изнуряющей борьбы империй за гегемонию на Европейском континенте, когда одни территории постоянно переходили из состава одного государства в состав другого, приходит осознание отрицательных последствий подобного соперничества. Это приводит к провозглашению принципа политического равновесия в международных отношениях и национального принципа в определении границ государства.

Принцип политического равновесия предполагал поддержание сложившегося исторического соотношения сил в Европе и недопущения новых переделов территорий по праву династического наследования.

Второй принцип сформулировал французский король Генрих IV: «Я соглашусь с тем, что страна, население которой говорит по-испански, долж-

на оставаться во владениях Испании, а страна, где население говорит по-немецки, должна принадлежать Германии, но те земли, в которых население говорит по-французски, должны принадлежать мне»⁹.

В реальной политике европейские державы далеко не всегда следовали указанным принципам. Но важно отметить, что развивающиеся эко-

номические связи территорий, обладающих исторически культурно-языковой однородностью и национальным рынком, начинают определять тенденцию к приоритету национального интереса во внешней политике, т.е. осознания своих общих жизненных потребностей исторически сложившихся культурно-территориальных общностей.

Внешняя политика и российское национальное сознание

Формирование и становление России и российского национального самосознания происходит в системе отношений с другими народами, странами и государствами.

Так, европейская политическая лексика приходит и в Россию. В XVII в. Москва боролась с польско-литовским государством – Речью Посполитой и Швецией, некоторыми другими европейскими государствами за свою самобытность и равноправие в международной политике.

Активный и непосредственный контакт с миром Запада дает возможность лучше понять себя как определенную общность, целостность. При этом следует учитывать, что это происходит после Великой смуты начала XVII в., когда мучительный процесс национальной консолидации приводит к осознания общих интересов населения и политических элит северо-восточных русских земель. Именно в этот период можно зафиксировать в русском языке понятия «вся земля России», т.е. отражение верховенства общего над частным, удельным.

В условиях политической смуты в литературе и документах (грамотах,

посланиях и приговорах) прорабатывается идея «вся земли» и утверждается мысль о том, что «хранитель» целостности и независимости государства Московского являются не бояре и цари, а непосредственно народ. Идеи церковных и политико-публицистических сочинений не были размышлениями монастырских и придворных летописцев и книжников. Они прямо или опосредованно передавали возросшее чувство земли, территориальной общности интересов как реакции на объединение русских княжеств под началом Москвы и развития в этом пространстве экономических, политических и культурных коммуникаций. Польская интервенция, смена династий и последующие политические неурядицы начала XVII в. явились мобилизующим фактором национального сознания: активизируется процесс консолидации перед лицом внешней опасности.

Непосредственно слова «нация» и «интерес» приходят из Польши¹⁰, очевидно, после присоединения к России ее восточных территорий в середине XVII в. В результате произошло не только «воссоединение братских народов», но и обширный вброс в

культурное поле России информации, созданной в западном мире.

Известно, что российская аристократия (Б.И.Морозов, В.В.Голицын, А.С.Матвеев, А.Л.Ордын-Нащокин) имела в своих библиотеках значительное число литературы на польском и латинском языках. В царской библиотеке также имелись книги на этих языках. В Москве в 60-е годы существовал и магазин, в котором продавались книги, изданные в Польше и на Украине. Украинцы и белорусы создавали школы, программы которых стали образцом для подражания или по ним непосредственно обучали детей русской аристократии. Учителя у дворянских недорослей часто были из Белоруссии и Украины.

Таким образом, присоединение «ополяченных», или в какой-то степени европеизированных, украинских и белорусских земель к России положило начало ее активной интеграции в мир европейской культуры, что одновременно способствовало расширению мировоззренческого кругозора политической элиты.

В этой связи закономерным является появление в русском политическом языке слов «нация», «национальный интерес», «государственный интерес», «политика государства». Это не простое заимствование иностранных слов или подражание европейским дипломатам и политикам, а компенсация отсутствующих на данный момент терминов в родном языке.

Появление языковых инноваций лингвисты объясняют социальной динамикой, определенными подвижками в общественном сознании¹¹.

В условиях России XVII в. потребность в иностранных словах отражает подсознательное стремление политических элит подняться над обыденностью повседневной речи, а главное – над иерархической и противоречивой многозначностью семантики местных диалектов русского языка.

Итак, во второй половине XVII в. происходит активизация национального самосознания, когда над многообразием местных идентичностей формируется универсальная система ценностей и ориентиров.

Окончательно в России слова «нация» и «интерес» закрепляются в политическом дискурсе только во времена Петра Первого¹². Они употреблялись первоначально в значении «народ» и «иметь важное значение». Употребление этих иностранных слов в русской речи было связано не только с петровской западнической политикой. Это отражало рост внешнеполитической активности России в европейских международных делах.

«Это было время, когда российское великодержавие поднималось на новую ступень, а сам характер политики страны стал постепенно меняться, приспосабливаясь к новому положению великой страны, когда сформировались главные направления международной активности русского государства, когда в новых социально-экономических условиях были заложены основы идеологии и традиций, которыми станут руководствоваться правящие круги в XIX и начале XX столетия»¹³.

Внешние опасности определяли и структуру национальных интересов страны в XVIII в., которые включали в себя:

- окончательную политическую стабилизацию ее территории;
- поддержание целостности и обеспечение безопасности;
- обеспечение свободного выхода к мировому океану, обеспечение экономической самостоятельности и благоприятных внешних условий экономического развития¹⁴.

Внутренняя и международная социально-политическая динамика

XVIII–XIX вв. стимулировали развитие общероссийского самосознания, в том числе и более ясное представление о своих наиболее значимых потребностях, что происходило не без влияния европейской философии просвещения.

Разочарования из-за нереализованных проектов либеральных реформ Александра I в сопряжении с небывалым патриотическим подъемом российского общества в Отечественной войне 1812 г., последующие Заграничные походы русской армии приводят к началу формирования гражданского самосознания в современном его понимании.

Это, в частности, можно отметить в стихотворении «Негодование» Петра Вяземского, где проводится грань между такими понятиями, как «подданные царя» и «отечества граждане».

В XIX в. (по Н.М.Карамзину, «гражданский век») элиты российского общества уже критически осмысливают политику государства. В России все более активизируется процесс самосознания общества и понимания первичности его интересов как на уровне внутренней, так и внешней политики¹⁵.

В период греческого восстания (1821 г.) в российском обществе особенно четко проявилось отличное от государства понимание внешней политики России.

Если император Александр I стремился соблюдать принятые на себя международные обязательства в рамках Священного союза европейских монархий и не решался поддержать восставших против османского режима греков, то российские общественные круги считали, что Россия должна оказать им помощь. Общественность осуждала императора за нерешительность и выражала свою солидарность с православными братьями.

Это нашло свое отражение в русской культуре, которая переживала период увлечения античной культурой. Филэллинизм находит свое проявление в творчестве поэтов и художников, писателей и философов. Близкий к декабристам поэт В.И.Туманский в своем стихотворении, посвященном Греции, восклицает:

*Восстал, восстал великий дух свободы!
Воздвигнув крест, булат препоясав,*

.....
Сомкнулись в ряд бойцы святого дела...¹⁶

Греческое восстание российское общество посчитало не только простым восстанием православного народа. В этом видели начало возрождения идей разума и свободы античной эпохи, на преемственность к которой элита России заявила наряду с европейцами. В этом восстании передовые круги российского общества увидели проявление борьбы против деспотии и ретроградства как таковых. Русский филэллинизм начала XIX в. близок движению декабристов не только по времени, но и по своей протестной философии.

Расхождение в понимании национальных интересов между общественными кругами и официальным Петербургом еще более проявилось при определении позиции России по отношению к национальным движениям славянских народов, когда оформлялась историческая концепция о единстве всех славян.

Славянский национализм вступал в противоречие с собирательным духом империи, объединяющей под одной властью самые различные народы. Поэтому официальный Петербург, верный принципам легитимности власти и монархической солидарности, к славянскому национализму относился с большим недоверием и не торопился реализовать

панславизм во внешней политике России.

Политический деятель и поэт П. А. Вяземский, находясь на государственной службе в Варшаве, не раз критиковал имперскую политику в отношении Польши. За что он и был отправлен в отставку, обвиненный в симпатиях к полякам.

Был также отправлен в отставку дипломат и поэт Ф. И. Тютчев за свою «информационную войну» и за то, что в стихотворении «Провидение» призывал начать освободительную войну с Османской Портой.

Итак, царское правительство не торопилось помогать национальным движениям на Балканах.

Такая позиция подвергалась критике в общественных кругах России. И не только тяготеющий к славянофильству известный историк М. Н. Погодин усматривал в легитимизме «традиционный предрассудок», затруднявший внешнюю политику. Такого же мнения придерживался и последовательный западник А. И. Герцен¹⁷.

Таким образом, первая половина XIX в. интересна и важна тем, что монополия монархии/государства на выражение и представительство общероссийских национальных интересов впервые была подвергнута сомнению со стороны общественных кругов или пусть даже одного сословия.

«К чести России, – писал Н. Серно-Соловьевич в своей книге “Россия и Восточный вопрос” (Париж, 1860 г.), – следует сказать, что истинно просвещенная часть народа движима в первую очередь гуманными чувствами. Для нее не существует обрядовых, национальных, кастовых предрассудков. Когда она видит страдания и несчастья людей, она, прежде чем узнать, кто эти люди, говорит: торжествует несправедливость, страдают люди. Вот почему ее сочувствие распространяется как на хри-

стианина, стонущего под турецким господством, так и на любую человеческую личность».

Следует оговориться, это не означает, что те, кто призывал оказать помощь братьям-славянам, действительно могли претендовать на абсолютную истину. Чувство солидарности еще не означало, что непосредственная военная помощь восставшим действительно могла бы отвечать национальным интересам. Это явилось бы прямым вмешательством по внутренние дела другого государства. Кроме того, немаловажным был вопрос и о наличии соответствующих ресурсов у России для реализации возможной миссии. И все-таки это свидетельствовало о том, что можно было наблюдать процесс осознания национальных интересов теперь уже в системе оппозиции «империя – общество» или «монархия – общество».

В период Русско-турецкой войны 1876–1878 гг. русская общественность, опять практически целиком была на стороне Сербии. Но мотивы славянской солидарности у различных слоев общества могли быть абсолютно противоположными. Это и имперские традиции мессианства, панславизм, и религиозный фундаментализм, наконец, гуманистическая и революционная солидарность. Но насколько все это соответствовало национальным интересам?

В те дни П. А. Вяземский пишет: «Все, что делается по Восточному вопросу, – настоящий и головоломный кошмар. Война теперь может быть для нас не только вред, но и гибель. Она может натолкнуться на государственное банкротство... Сербы – сербами, а русские – русскими. В том-то и главная погрешность, главное недоразумение ныне, что мы счита-

ем себя более славянами, чем русскими... Все это – недостойно величия России»¹⁸.

Через две недели после начала войны сербское наступление захлебнулось.

Турки остановили плохо обученное Народное войско на всех направлениях. После серии побед над сербами турки 18 (29) октября 1876 г. прорвали сербский фронт, и всем стало ясно, что война через день-два закончится. Генерал Черняев телеграфировал Милану Обреновичу, что дальнейшее сопротивление безнадежно.

Тексты телеграмм, посылаемых из Белграда в Петербург, мгновенно приобрели панический характер: «Отечество в величайшей опасности! – телеграфировал сербский министр иностранных дел Йован Ристич. – Если перемирие не последует в течение 24 часов, турки, опустошив всё в десять дней, возьмут и сам Белград... Необходимо остановить неприятельские действия, иначе катастрофа неизбежна! Не теряйте ни минуты!»

Россия спасла Сербию от катастрофы. Несмотря на неготовность нашей страны к войне, император Александр II был вынужден выступить с заявлением о том, что Россия защитит движение славян на Балканах.

19 (31) октября русский посол в Стамбуле граф Н.П.Игнатьев передал турецкому правительству ультиматум России с требованием в 48 часов прекратить военные действия и пойти на перемирие, угрожая в противном случае отозвать русского посла из Константинополя. Турция была вынуждена уступить. Только на черногорском фронте продолжались, то разгораясь, то затухая, военные действия, в целом успешные для черногорцев.

Впоследствии, оценивая общую ситуацию на Балканах, директор Азиатского департамента МИД И.А.Зиновьев писал в 1889 г. русскому посланнику в Сербии А. И. Персиани: «Вождем сербских партий следует иметь в виду, что Россия как великая держава имеет

свое призвание, и она не может дать себя отвлечь от своего пути балканскими событиями, когда ее собственные интересы обязывают твердо держаться национальной политики».

В своих внешнеполитических решениях государство следовало международным обязательствам и учитывало реальное соотношение сил в мировой политике и возможности самой России. Общественные круги в большей степени ориентировались на конкретные ценности: славянофилы – на национальные российские, а западники – на либеральные и гуманистические европейского толка. Не свободны были от ценностного подхода и официальные круги. Они, в свою очередь, защищали традицию верховенства права как института и традицию исторической легитимности монархии. Другое дело, что последнее уже не отвечало тенденциям Нового времени (как и некоторые нормы международного права), когда народы и личности все более заявляли о себе как о субъекте мировой политики.

В теоретическом плане это лишь дополнительно подтверждает тезис, что в процессе осознания национальных интересов неизбежно присутствует ценностный фактор и фактор времени. Более того, ценности могут быть и частью национальных интересов в силу факта социальной природы человеческих потребностей. Вопрос заключается в том, чтобы ценности не подавляли динамику развития и гармонично вписывались в структуру национальных интересов, а прагматическое не разрушало духовное начало человеческой общности, человеческой цивилизации.

В XIX в. в российском обществе все чаще ставится вопрос о необхо-

димости более концентрированно и прагматично осуществлять внешнюю политику¹⁹, ставя в ее основу интересы России. В это время российская дипломатия в программные документы включает такое понятие, как «национальный интерес»¹⁵, что свидетельствовало о стремлении рационализировать внешнюю политику страны, сделать ее, по выражению А.М.Горчакова, разумно эгоистичной и сосредоточенной²⁰. Он предлагал России не только отступить перед чужими «неблагодарными задачами и заняться исключительно своими, в собственном смысле национальными, теми единственно благородными задачами, за просвещение и широкое исполнение которых она может быть вознаграждена сторицей», но и подчеркивал, что «могущество государств измеряется их финансовым, экономическим, общественным и политическим благоденствием – а остальное приложится»²¹.

Уже в конце XX в. имя Горчакова приобретает некий особый смысл, сопоставимый с желаемым идеалом внешней политики, хотя слова представителей политических элит далеко не всегда соответствуют их реальным поступкам и действиям. Есть свидетельство весьма субъективного современника – О. фон Бисмарка, который утверждал, что для Горчакова «личное соперничество» с ним имело «большее значение, нежели интересы России: его тщеславие и его зависть по отношению ко мне были сильнее его патриотизма»²².

Безусловно, что слова и дела во все времена расходились у политиков. Но важно, что ввод в политический лексикон категории «национальный интерес» давало возможность претендовать на выражение последнего все более и более широким слоям населения.

Рубежом в формировании гражданского понимания национального интереса, очевидно, следует считать вторую половину XIX в. Национальный стресс, вызванный поражением в Крымской войне и унижительными для России условиями Парижского мирного трактата, стимулируют формирование иных подходов к политике государства. Как известно, после окончания войны российская монархия наконец-то решилась начать реформы в России. Они, в частности, касались расширения гражданских свобод, в том числе и возможности высказывать свое мнение по пониманию национальных интересов России.

Об этом можно найти свидетельства у современника Погодина, с воодушевлением отмечавшего, что «заря занялась во многих внутренних распоряжениях. Мы дышим свободнее. Литература оживилась, университеты открыты. Многие умы и одаренные люди явились на поприще действия»¹⁹.

Кризис российской государственности, основанной на династическом принципе, окончательно оформился во второй половине XIX в. И это в определенной степени связано с эволюцией национального сознания, когда оплот имперской монархии – дворянство – выходит за рамки своих узкословных интересов и начинает мыслить категориями более высокого порядка. С другой стороны, сама власть стала больше осознавать себя дирижером социальных процессов, отказываясь, хоть постепенно и с трудом, от роли монополиста и вершителя судеб своего народа.

В качестве примера можно привести деятельность С.Ю.Витте и П.А.Столыпина на рубеже веков. В период начатых царским правитель-

ством реформ в 60-е – 70-е годы XIX в. и первое десятилетие XX в. стали возникать зачатки гражданского сознания и демократических институтов выражения и представительства интересов нации в их многообразии.

Надо отметить, что внешняя политика и динамика международных отношений на всем протяжении развития России играли большую роль в процессе осознания национальных интересов. Так, в период ведения Россией войн с теми или иными странами резко повышается активность общественного сознания, ибо интенсифицируются связи с внешней средой. Такая значимость внешнего фактора характерна для закрытых обществ с пассивным самосознанием и не способным к четкому внутреннему самоанализу, иначе говоря, к осознанию национальных интересов в динамике.

Так, после Отечественной войны 1812 г., Крымской войны середины XIX в. и Русско-японской начала XX в. последовали серьезные социальные и политические изменения в российском обществе, сопровождавшиеся переосознанием своего коллективного я и своих общенациональных интересов.

Переходный период в России сопровождался обострением противоречий между старыми и новыми социальными группами и классами. Новые социальные группы, возникшие как следствие развития капиталистических отношений в стране, стремились самоутвердиться в политической структуре общества и повысить свой статус не только де-факто, но и де-юре. Речь шла о возможности официально представлять свои интересы во внутренней и внешней политике и участвовать в

выработке решений общенационального уровня. Представители дворянского сословия отстаивали свои традиционные привилегии.

Таким образом, процесс становления новой структуры общества характеризовался высокой степенью поляризации интересов отдельных групп, что было вполне естественным для переходного периода, когда происходит ломка сложившегося образа жизни и мировосприятия. В то время не было еще вполне осознанного понимания, что и само общество должно осуществлять встречное движение, т.е. постепенно переосмыслить свои интересы, отказываться от прежних стереотипов традиционалистской культуры.

В XIX в. один общественный деятель отметил: «Не тот народ имеет будущность, который умеет храбро умирать в битвах, на виселице и в каторге, а тот, который умеет переродиться и вынести реформу»²³.

В канун Первой мировой войны российское общество не смогло четко осознать свои интересы и консолидировать их на каких-либо приемлемых для различных слоев населения основах. В свою очередь, монархический режим России во время войны подошел к последней черте. После отречения от власти российского императора в 1917 г. установилась республиканская форма правления, что предполагало открытие нового этапа как в осознании национальных интересов, так и создания соответствующих институтов их представительства. Но этот этап не смог реализоваться полностью из-за глубочайшего кризиса самого российского общества, раздираемого внутренними противоречиями. На-

чинается Гражданская война и распад России. Причем это в значительной степени связано с тем, что исчезает один из символов самоидентификации общества и власти – имперская монархия, которая, как и все подобные, имела надэтнический характер. В поликультурной среде Российской империи монархия выступала как консолидирующий фактор различных этнических элит, признавших однажды власть монарха.

Говоря о национальных интересах Российской империи, можно констатировать, что ее потребности осознавались прежде всего в системе отношений с внешней средой, а затем как результат столкновения интересов социальных групп, составляющих российское общество. Собственно интерес личности начинает осознаваться и оформляться лишь на рубеже XIX и XX вв. До этого он был подчинен группе или растворен в ее интересах.

Итак, Россия как определенное историческое образование не смогла или не успела осознать и консолидировать свои интересы в соответствии с новой реальностью. Возникший системный кризис способствовал приходу к власти сил, предложивших обществу совершенно иную концепцию развития, которая радикально изменяла его идеологию. В конечном итоге распалась связь времен, что и предопределило формирование особых подходов к национальным интересам страны. Но на основе новой идеологии была фактически воссоздана в преображенном виде российская социально-политическая общность почти в ее прежнем составе и размерах, сходных с имперской системой правления. И к

этому побуждали не только субъективные устремления определенных политических сил и исторические традиции, но и внешнее давление – интервенция и военные угрозы на границах.

Идеология советского государства отрицала возможность существования такого понятия, как «национальные интересы». Центральным ориентиром внешней политики и идеологии Советского Союза являлась идея наднационального сотрудничества и взаимодействия, помощи по социальному (классовому) принципу. Внешняя политика и дипломатия должны были прямо и косвенно, но содействовать приходу к власти в различных странах мира политических сил левой или социалистической ориентации, которые бы начали процесс «строительства бесклассового общества».

Таким образом, Советский Союз претендовал на абсолютное, монопольное цивилизационное лидерство. Во имя реализации такой цели можно было пожертвовать интересами национального уровня, предполагая, что в будущем все это компенсируется возникновением социалистических государств. Отношения между ними, как считалось, будут носить бесконфликтный характер в силу отсутствия в социалистических государствах класса капиталистов, интересы которых, как считалось, и являются первопричиной международных столкновений и войн.

В действительности отмеченное не означало, что у СССР как реально существующей общности и субъекта международных отношений не было своих интересов, подобных национальным интересам других госу-

дарств. Они объективно существовали. Другое дело, что эти интересы были осознаны не как собственно национальные интересы, а как ценности – исполнение великой миссии «защиты социализма и трудящихся» во всем мире и борьбы против мирового капитализма, что создавало внутреннюю противоречивость внешней политики государства.

Так, в одних случаях интернациональная миссия могла выступать как главная линия во внешнеполитическом курсе. Это выражалось в политической, военной и финансовой помощи идеологически тождественным или близким советскому строю режимам, партиям и движениям, что не только было обременительно, но и создавало дополнительные сложности в отношениях с другими государствами. В других случаях идеологическая ориентация ряда афро-азиатских и других государств на Советский Союз могла быть использована и для реализации военно-стратегических интересов СССР в соответствующем регионе мира и на глобальном уровне.

В значительной степени противоречия между идеологией и реально существующими интересами государства способствовали усугублению назревшего внутреннего кризиса, так как международные обязательства глобального порядка ему было трудно реализовать из-за ущербности системы хозяйствования и невероятно глобальных масштабов взятых обязательств.

В советской научной литературе проблема национального интереса в аспекте внутри и внешнеполитической деятельности государства специально не рассматривалась. В государственных внешнеполитических документах СССР термин «национальные интересы» встречается редко. Исследователи отмечают, что только в четырех внешнеполитических документах есть упоминание термина «национальные интересы»²⁴.

Конечно, использовались словосочетания, близкие по своему содержанию к понятию «национальный интерес». Например, такие: «интересы народа», «коренные интересы народа», «жизненные интересы народа», «интересы страны и государства». Но из постановки вопроса и прямых указаний, имеющих в государственных и партийных документах, примат имеют «интернациональные интересы». Всегда подчеркивалось, что основополагающим принципом во взаимоотношениях социалистических стран и в их внешней политике является принцип пролетарского (социалистического) интернационализма, а не принцип национальности, который трактуется как буржуазный национализм. Иначе говоря, исключалась возможность существования в несоциалистических государствах консолидированных интересов всех общественных слоев и классов.

В то же время наука не отрицала факта, что социалистические нации или социализм в различных странах имеет национальную специфику, существует в национальных рамках. Правда, специально оговаривалось, что это имеет временной характер. Фактически признавалось, что социалистические государства имеют свои национальные интересы, хотя и в сочетании с интернациональными²⁵. По своей сути интернациональная политика не отличалась от славянофильства и доктрины панславизма. Ибо, как и последние, подчиняла национальные интересы некоей интернациональной миссии освобождения угнетенных народных масс или угнетенных братских славянских народов, т.е. ставила ценно-

сти на первое место если не всегда, то довольно часто.

Смена высшего руководства СССР в 1985 г. и отказ М.С.Горбачева и его политических сподвижников от прежней внешней политики Брежневой – Громыко, связанной как с экономической невозможностью выполнять взятые на себя интернациональные обязательства, так и сменой идеологии, приводит к тому, что делается попытка определить внешнеполитический курс исходя из национальных интересов СССР.

Выступая на научно-практической конференции в МИД СССР, новый министр иностранных дел Э.А.Шеварднадзе, пришедший на смену А.А.Громыко, уже прямо говорит о национальных интересах советского государства как основы внешнеполитической деятельности.

Другое дело, что было непросто осознать эти интересы. Пожалуй, первыми, кто в печати легализует категорию национального интереса и начинает дискуссию по его содержанию, явились международники Е.Бажанов и А.Бовин, которые в период горбачевской перестройки опубликовали в тогдашнем «рупоре перестройки» – газете «Известия» – статьи. Эти авторы открыли публичную дискуссию о мотивах и содержании внешней политики СССР после окончания холодной войны.

С распадом СССР начинается новый этап осознания национальных интересов России. Но это происходит не сразу, ибо дискуссия о национальных интересах отошла на второй план перед развернувшейся жесткой полемикой между демократами и коммунистами по вопросам власти. Представляется, что прерванный и незаконченный процесс осознания национальных интересов СССР как определенного социально-политического образования, имеющего историческую преемствен-

ность к предыдущему образованию – Российской империи, серьезно повлиял на политику нового политического режима России в том плане, что правящие круги и оппозиция недостаточно уделяли внимание вопросам поиска национального примирения, консенсуса интересов групп и консенсуса национальных интересов, а также формированию новой системы ценностей.

Прошло определенное время, и с конца 1994 г. внимание к категории «национальные интересы» опять усиливается. Причины этого были те же.

В научных и политических кругах российского общества продолжается как осмысление понятия «национальные интересы», так и попытка дать конкретное описание их содержания для России, в том числе и на современном этапе ее развития. Высказываются и сомнения в необходимости использовать категорию «национальный интерес», и возможности существования национального интереса как объективной реальности²⁶. Но такая скептическая позиция скорее исключение. И она подвергалась критике.

В частности, один из сотрудников Горбачев-Фонда Ю.А.Красин подчеркивал, что «при всей сложности его генезиса и структуры национальный интерес, безусловно, имеет некую объективную основу»²⁷.

Основными же вопросами обсуждения являлась семантика понятия «национальные интересы». Причем это есть отражение не только теоретических дискуссий, но и особенностей восприятий категорий «нация» и «государство», «общество» и «народ», сформировавшихся в предшествующий советский период.

Практически все участники дискуссии обращали внимание на различное толкование в российском обществе понятия «национальные интересы»²⁸. По мнению политолога Э.А.Позднякова, национальные интересы – это, по преимуществу, интересы государственные³. Другие исследователи ставили вопрос о соотношении государства и нации как отдельных субъектов²⁹.

Кроме того, многие обращали внимание на то, что в постсоветском обществе термин «нация» используется в понятии, тождественном понятию «этнос»³⁰, что дает возможность говорить о наличии особых национальных интересов у субъектов Российской Федерации. Более того, первый министр иностранных дел Российской Федерации А.Козырев так и говорил, что внешняя политика государства определяется «многонациональными интересами» Российской Федерации.

В связи с различным толкованием категории «национальные интересы» предлагалось использовать термины, которые бы уточняли уровень интересов общества и снимали в какой-то мере противоречия семантического порядка. Так, соответственно, предлагались следующие термины: «национально-государственные интересы» или «общенациональные интересы»^{7, 26}.

Во второй половине 90-х годов активное использование в политической риторике и научной дискуссии категории «национальные интересы» объясняется потребностью заполнить образовавшийся идеологический вакуум в российской общественной жизни³¹, а также реакцией политической и интеллектуальной элиты на кризис модернизации³². Одновременно наблюдалось, что различные политические круги культивируют внимание к проблеме национальных интересов и используют это понятие чаще в конъюнктурных целях³².

Новым же являлось не стремление более точно описать национальные интересы России, а скорее стремление придать им идеологический характер, а именно патриотический. Все чаще национальные интересы выводились из традиции и национальных мифов времен как Российской империи, так и Советского Союза³³. Частые ссылки на национальные интересы стали придавать им нечто сакральное, высшее, которое должно оправдать невзгоды переходного периода и даже побудить общество к определенным жертвам во имя реализации теперь уже, правда, не интернациональных, а великих национальных целей России.

Примечательно, что национальные интересы в официальной концепции национальной безопасности России трактуются как «совокупность основных интересов личности, общества и государства». Выходит, что интересы государства – а это, как известно, лишь политический институт – приравниваются к интересам общества. Очевидно, правильнее было бы говорить о совокупности интересов личности, интересов различных социальных групп населения и интересов общества (или российской нации, общенациональных интересах) в целом³⁴. Поэтому отождествление понятий «общество» и «государство» отражает этатизированность политического сознания. Стало весьма популярным среди ряда общественных деятелей называть себя государственниками, что отражает не только их желание выразить свою лояльность официальной власти и свои патриотические убеждения, но и в какой-то степени неприятие ценностей демократии и гражд-

данского общества. Причем понятия «государственник» и «патриот» отождествляется, а возможность и необходимость реального существования в обществе многообразия интересов, особенно в аспекте прав личности и демократических институтов их согласования, как бы подвергается сомнению.

В этой связи следует учесть, что если категория национальных интересов интегрируется в общественное сознание в качестве монополизированной государством патриотической идеи как более понятной российскому обществу³⁵, то она освобождается от рационального и менее доступна общественной критике. В какой-то степени это явилось и реакцией на отторжение обществом демократических ценностей как на данный момент ему чуждых и непричных, может, даже не по существу, а только потому, что эти ценности идут опять же от Запада.

Тот факт, что осознание национальных интересов в постсоветский период характеризуется возрастанием субъективного фактора, т.е. стремлением той или иной социальной группы или политической силы навязать/предложить обществу свое понимание национальных интересов, является вполне естественным. Это отражает общую для всех стран специфику переходного этапа, когда в связи с изменяющейся реальностью изменяется структура и иерархия потребностей, нарушается их сложившийся баланс. Кроме того, отказ от прежней системы ценностей, прежней общественной идеологии и отсутствие новой создает препятствие как для осознания потребностей, так и достижения их баланса.

Примечательно, что в свое время Президент России Д.А.Медведев высказал вполне очевидную мысль, что отсутствие оппозиции в политическом процессе ведет к его стагнации, препятствует движению как таковому. Очевидность же такой мысли не в «озарении» власти, а в законах движения вообще.

Национальная идеология, безусловно, должна присутствовать в политике государства, ибо именно идеология осуществляет социальную консолидацию на уровне общественного сознания.

Известный русский мыслитель Г.П.Федотов писал в свое время: «Политика не только борьба за интересы», но «и за общественные идеалы»³⁶.

Человек в силу своей психической особенности действует, как известно, не только руководствуясь материальными мотивами, но и обязательно какими-то ценностными ориентирами, которые он приобретает в процессе своей социализации. Последние выполняют роль мобилизующего начала, а организованные в систему (национальная идеология) позволяют осуществить совместную деятельность индивидуумов.

Национальная идеология советского периода, хотя и не адекватно отражала реальность и вступала в некоторые противоречия с реальными интересами общества, но выполняла до определенного времени организующую роль в его консолидации. Кроме того, как бы ни относиться к этой идеологии сегодня, но она способствовала выделенности советского государства, советского общества из окружающей среды, помогала сохранять групповую сплоченность,

противодействовала внешней экспансии. Она вполне соответствовала величию своих абстрактно-гуманистических, хотя во многом и утопических, задач статусу великой державы, которой являлся Советский Союз в силу геополитической мощи и исторической преемственности по отношению к Российской империи.

Ценностно-ориентационное единство общества не предполагает абсолютного совпадения во взглядах на мир всех граждан, а главное – обязательности этого совпадения. Напротив, разнообразие как необходимое условие для саморазвития любой системы не может препятствовать сохранению высокой групповой сплоченности общества, если мнения его членов сходятся в главном. Это главное и должно быть зафиксировано в национальной идеологии.

В задачу национальной идеологии входит обеспечение достаточно устойчивого воспроизводства культурно-психологических стереотипов, направленных на противодействие внутренним и внешним возмущениям, угрожающим целостности общества. Иначе говоря, национальная идеология адаптирует универсальные потребности выживания к особенностям национального сознания, т.е. предлагает такие ценностные ориентиры, которые помогают гражданам и обществу при взаимодействии разрешать свои внутренние и внешние противоречия и одновременно сохранять свою идентичность. Национальная идеология на психологическом уровне также должна оптимизировать отношения государства (нации) и отдельного гражданина, центральной и местной власти, личности и общества, раз-

личных экономических, социальных и культурных регионов.

Государство как одно из основных интегрирующих институтов общества развивает и культивирует национальную идеологию. В современном, демократическом государстве это осуществляется не через административное подчинение граждан каким-то определенным нормам идеологического характера. Государство призвано сформулировать национальную идею и национальную идеологию исходя из национальных интересов и разработав стратегию развития нации. В этом плане в самой национальной идеологии институт государство и его роль в обществе должны занимать значительное место. В данном случае государство необходимо рассматривать не только как институт власти, неизбежно выражающий в той или иной степени интересы какой-то одной социальной группы, например титульного этноса. Роль государства заключается и в том, чтобы быть действительно результативным институтом социальной консолидации.

Каждое государство существует и осуществляет свою деятельность в мировой системе международных отношений, обладающей своей логикой развития и психологией отношений, выработанными нормами и традициями, которые выступают по отношению к отдельному субъекту международных отношений как требования системы, как объективные условия его существования. Соответственно, и национальная идеология должна быть соотносима с системой ценностей международных отношений. Причем по отношению к России как субъекту международных отно-

шений эти ценности не могут рассматриваться как абсолютно нечто внешнее, учитывая, что Россия – ее дипломатия, политическая и правовая мысль – активно участвовала совместно с другими государствами в формировании норм международного права, традиций и ценностей международного общения³⁷.

Возможно, что именно ограниченные экономические возможности в сравнении с западными государствами стимулировали в России свои подходы к международным отношениям. Играл свою роль и менталитет российского

общества, его особое отношение к духовным ценностям. Политические деятели России «издавна исповедовали нетрадиционный подход с точки зрения господствующих» в XVIII–XIX вв. представлений, основанных на концепции равновесия сил³⁷. Российские государственные деятели не являлись сторонниками данной концепции, которая исходила из неизбежности борьбы между государствами.

На протяжении XIX в. российская дипломатия выступила с рядом инициатив в области регулирования международных отношений и разработки норм международного права.

Например, император Александр I предложил строить международные отношения на основе духовных ценностей, определяющих историческое существование народов и не зависящих от политического расчета и узкой меркантильности³⁸. Он считал, что необходимо покончить с представлением о неизбежности вражды между народами, был убежден в том, что «долговременные интересы» государств, напротив, создают предпо-

сылки для «согласия и дружбы», но для этого надо освободиться от заблуждений и «национальных предрассудков»³⁸.

В своих внешнеполитических построениях Александр I ориентировался на христианскую идеологическую систему, считая ее вполне применимой и во внешней политике.

Такая ориентация не означала, что внешняя политика России в XIX в. иррациональна, но именно идеология как система определенных ценностей оказывала свое прямое или опосредованное влияние на принятие внешнеполитического решения.

В конце XIX в. Россия выступила с совершенно исключительной для своего времени инициативой. В 1898 г. император Николай II предложил созвать международную конференцию для обсуждения проблем всеобщего разоружения. Геополитические соперники, в частности Австро-Венгрия, увидели в этом слабость своего восточного соседа – невозможность догнать западноевропейские государства в модернизации вооружений. Отставание прослеживалось. Но в предложении Николая II содержалось и гуманное христианское начало, которое было присуще российскому национальному сознанию, возможно, больше, чем слишком утилитарному западному. Было понимание того, что разворачивается производство все новых и новых видов оружия массового поражения, что обременяет национальную экономику и ведет к полной милитаризации международных отношений.

Гуманистическое содержание было представлено и в советской внешней политике, сколько бы ни

подвергать сомнению эту политику как с точки зрения искренности, так и с точки зрения соответствия национальным интересам. Более того, идеологически в официальных доктринах СССР было больше пацифизма, чем в последующих периодах. Это факт, что эксперимент не удался, но соревнование идей присутствовало. Поэтому в социальном пла-

не многое от социализма прижилось, реализовалось как раз на Западе, в том числе в США.

Внешняя политика в принципе невозможна без ее идеологической составляющей, а иначе это лишь борьба против гегемонизма и многополярности в ущерб жизненно важным потребностям человека как такового.

Примечания

- ¹ Ильин М.В. Критерий современности в политике // Полис. 1995. № 1. С. 81, 82.
- ² Morgenthau H. Politics Among Nations. The Struggle for Power. N.Y., 1973; Основы политологии / под ред. В.П.Пугачева. М., 1992.
- ³ Поздняков Э.А. Философия политики. М., 1994. Т. 2. С. 54, 62.
- ⁴ Национальный интерес // Полис. 1995. № 1. С. 101.
- ⁵ Волобуев О.В., Шелохаев В.В. Очевидно ли «очевидное»? // Отечественная история. 1996. № 6. С. 110.
- ⁶ Назаретян А.П. Человеческий интеллект в развивающейся вселенной: истоки, становление, перспективы. М., 1990. С. 211–212.
- ⁷ Национальный интерес (круглый стол) // Полис. 1995. № 1.
- ⁸ Прохоренко И.Л. Национальный интерес во внешней политике государства. Опыт современной Испании. М., 1995. С. 18.
- ⁹ Цит. по: История дипломатии. М., 1959. Т. 1. С. 271.
- ¹⁰ Смирнов Н. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СПб., 1910.
- ¹¹ Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М., 1984. С. 63.
- ¹² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 2, 3.
- ¹³ История внешней политики России. XVIII в. (от Северной войны до войн России против Наполеона). М., 1998. С. 5.
- ¹⁴ Игнатъев А.В. Внешняя политика формировалась в результате «переплетения» интересов // Отечественная история. 1996. № 6. С. 129.
- ¹⁵ Задохин А.Г. Дипломат Горчаков и его время // Дипломатический ежегодник. 1996.
- ¹⁶ Русский сонет. М., 1983. С. 34–35.
- ¹⁷ Герцен А.И., Огарев Н.П. Голоса из России. Факсим. изд. М., 1974. Ч. 1. С. 73.
- ¹⁸ Цит. по: Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. СПб., 1868. Т. 2. С. 312–313.
- ¹⁹ Бушцев С.К. А.М. Горчаков. Из истории русской дипломатии. М.: ВДШ, 1944. С. 181.
- ²⁰ Семанов С.А. А.М. Горчаков – русский дипломат XIX в. М., 1962. С. 53; Очерк истории министерства иностранных дел. 1802–1902. СПб., 1902. С. 134.
- ²¹ Русская старина. 1983. Октябрь. С. 170.
- ²² Бисмарк О. фон. Мысли и воспоминания. Т. 2. С. 99.
- ²³ Цит. по: Политология на российском фоне. М., 1993. С. 47.
- ²⁴ Ключева Е.Н. Особенности государственных и национальных интересов во внешней политике и международных отношениях в условиях НТР (1970–1980 гг.) // Актуальные международные проблемы. Дипломатическая академия. Научные труды. М., 1984. С. 352–354.

- ²⁵ Диалектика национального и интернационального // Проблемы развития социализма. Прага, 1971. С. 130–146; Внешняя политика Советского Союза. Актуальные проблемы социалистической экономической интеграции. М., 1974. С. 113–173.
- ²⁶ Концепция национальных интересов: общие параметры и российская специфика // МЭ и МО. 1996. № 7. С. 63, 66; № 8. С. 78.
- ²⁷ Красин Ю.А. Формирование национальных интересов и гражданское общество // МЭ и МО. 1996. № 8. С. 80.
- ²⁸ Отечественная история. 1996. № 6. С. 119; Полис. 1995. № 1; МЭ и МО. 1996. № 7–9.
- ²⁹ Первалов В.П. Соотношение государства, нации и народа в европейской истории Нового времени // Полис. 1995. № 1.
- ³⁰ Галкин А.А. От семантики к рабочей модели // МЭ и МО. 1996 № 8. С. 78.
- ³¹ Логунов А.П. «Национальные интересы» в российской интеллектуальной традиции // МЭ и МО. 1996. № 7. С. 69.
- ³² Рябов А.В. Невостребованность концепции // МЭ и МО. 1996. № 9. С. 72, 73.
- ³³ Бажанов Е.П. Эволюция российской внешней политики в 90-е годы // Дипломатический ежегодник. М., 1996. С. 26.
- ³⁴ Задохин А.Г. Формирование национально-государственных интересов РФ: необходимые предпосылки и возможные приоритеты // Полис. 1995. № 1. С. 102–104.
- ³⁵ Алексеев С.В., Каламанов В.А., Черненко А.Г. Идеологические ориентиры России. М., 1998. Т. 1. С. 228–309.
- ³⁶ Федотов Г.П. Судьба и грехи России. М., 1992. Т. 2. С. 298.
- ³⁷ Развитие русского права в первой половине XIX в. М., 1994. С. 266.
- ³⁸ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. М., 1972. Т. 8. Док. № 217, 225; Т. 10. № 127. Т. 8. Док. № 225, 331; Т. 9. Док. № 34.

Подписка на 2013 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:

47653 — на полугодие

36789 — на год